

Однажды зимой, в один из её многочисленных коротких дней, моя мать собралась в гости. Когда я пришёл из школы, она мне сказала:

– Я приготовила свиньям, ты их накорми, да сделай всё засветло, а то в стайке темно будет, ничего не увидишь. А я схожу к Невенчихе, а то она ко мне не приходит, и я давно у ней не была.

Невенчиха – тётя Нюра Невенчина, мать моего друга Сашки.

– Да смотри, не засидись где-нибудь, а то вывалишь где попало... Тебе же лишь побыстрее...

«Да иди ты, иди сама побыстрее», – подумал я, но вслух сказал:

– Да знаю, знаю, не забуду...

Но мать была мудра, настойчива и памятлива.

– Не забудь, говорю! Прошлый раз оставил свиней голодом, всё в пол втоптали. До корыта не дошёл, вывалил!

Ну, не дошёл, ага! Да я только появился в стайке, как они сразу рылами в ведро и выбили его у меня из рук! Однако мамина критика была совершенно справедлива, потому и действенна. Пришлось стерпеть, принять покорный вид и замолчать. Однако мать за порог, а я что? Рыжий, что ли?! Вот дом закрыт, ключ в кармане – и я тоже за порог, но только в другую сторону.

Отец моего друга Толяна однажды принёс ему пару десятков крупных стальных шариков, из которых мы долго и терпеливо мастерили бильярд. Сделан он был не совсем удачно, но процесс изготовления и игра – всё было всерьёз: сами выставляли стол по плотницкому уровню, рассчитывали траектории, делали ставки и наказывали проигравших отсидкой под столом, всякими кукареканьями и мычаниями. Не догадались только, как пронумеровать шарики. А потом всё своё свободное, да и не только свободное, время мы самозабвенно играли в бильярд.

Звуки сталкивающихся шариков были крайне необычными, мелодичными, напоминали звуки скользящих по молодому льду палок или булыжек. Очень похожий звук издавали легонько ударяемые трехлитровые стеклянные банки.

Бильярд стал пользоваться популярностью настолько, что сумел на некоторое время примирить давно соперничающие и враждующие улицы. А мы, авторы, на авторских правах, могли начать играть в любой момент без всякой очерёдности.

Итак, все главные события этого дня были предопределены: я играю в бильярд до самозабвения, мать в гостях, свиньи останутся голодными, но...

Боже мой, да никакие материнские кары (ха-ха!) не идут в сравнение с удовольстви-

ем от игры! И играли мы с Толяном дотемна, пока его мать, тётя Ефросинья, не разогнала нас:

– Толька! Ну-ка, хватит играть! Все уши прозвенели своими шариками! Сейчас все их повыбрасываю! Иди управляйся, а то вот отец придёт с работы, задаст тебе!

Это была не угроза. Дядя Вася задавал жару, не тратя лишних слов. Придя вечером с работы, он всегда проверял, что и как сделано. Сам работающий и исполнительный, того же и от детей требовал.

Тут-то и я вспомнил о своём уроке! Быстренько оделся, сунул в карман из миски горсть нами же нажаренных чёрных семечек и пулей полетел домой. На бегу ощупывал в кармане ключ на толстой лохматой верёвочке и радовался, что не потерял. Уже в сумерках я прибежал домой, обрадовался, что в окнах нет света, а когда увидел замок на двери, и вовсе успокоился.

И совершенно напрасно! Я, окаянная душа, и не ведал, что сейчас, сию секунду, начинается моя очередная драма, причём весьма нешуточная. Это я, когда убежал из дома, не боялся материнского наказания!

Но всему свой черёд.

Достал ключ из кармана, пыхтя после продолжительной пробежки, привычно сунул его в замочную скважину и повернул...

Надо сказать, ключ был на загляденье, замечательный – большой, с дыркой для штыря, торчавшего в скважине. А свистеть в этот ключ было сущим удовольствием! Свист получался высоким, пронзительным, закладывающим уши, далеко слышным!

Обычно ключ поворачивался упруго, с лёгким щелчком – два поворота, два щелчка – и замок открылся.

Да только в этот раз не поворачивался... Я слегка заволновался, представив самое плохое развитие событий. Между тем холод чувствительно усилился. Сбегал в недалёкую баню за спичками. При их свете стало видно, что ключ в скважину входит не полностью.

Я нажал на ключ. Бесполезно. Не поворачивается. Усилив ладошку рукавом те-

логрейки, нажал сильнее. Ключ не поворачивался. Беспокойство стало переходить в замешательство. Спина и лоб вспотели, а пальцы обжигал холод металла. Немного согрев их дыханием, снова попытался открыть замок, думая: «На чёрта я ключ с собой брал! Оставил бы дома и всё! А вдруг мать пришла бы раньше меня?!»

Голодные свиньи услышали, конечно, мои шаги и возню с замком, лязганье железа по железу. Сначала они вопрошающе захрюкали: «Что? Жрать принесли?», но, не дождавшись корма, стали требовать положенного наглым, выдающим меня противнейшим пронзительным визгом. И, конечно, своей суетой устроили в стайке настоящее свинство с явным расчётом, что за их страдания мне от хозяйки попадёт по первое число!

Мои замёрзшие пальцы уже не могли не только повернуть ключ, но вставить его в замок. Я не мог уже согреть руки дыханием. В этот звонкий, морозный, звёздный вечер моя душа погибала – от бесконечной жалости к себе, маленькому и несчастному, от отчаяния и отмороженных пальцев. Я бился о замёрзший замок замёрзшим ключом в замёрзших руках, неудержимо и громко подывая. Мне казалось, что все и всё издеваются надо мной.

В последней, как оказалось, попытке я выбрал подходящее полешко и стал им забивать ключ в скважину.

В этот момент послышался хруст снега под чьими-то ногами. Мама? Нет! Она полегче и ступает чаще. Кто же это? Из-за угла сенок вывалила большая тёмная фигура, молча подошла ко мне. По сипловатому дыханию, по походке, а главное, по неистребимому запаху силоса и скотного двора я узнал нашего соседа дядю Митю. Распознав соседа и не давая ему рта открыть, я в голос завопил:

– Дядя Митя-а-а, я замок не могу откры-ы-ть! Руки отмёрзли-н-и!

– Вон оно что... А я иду, слышу свиньи дурниной визжат, стучит кто-то... Дай, думаю, зайду... Вон что, оказывается... Ну-ка, отойди... Свиньи-то визжат, голодные...

Когда режешь их, и то не так... – Всё время приговаривая, дядя Митя своей сильной рукой впихивал ключ в замок:

– Щас мы его откроем... Руки-то за-сунь в валенки, маленько отогреешь... Щас откроем, куда он денется...

Меня колотило от холода, свинки вдохновенно визжали, дядя Митя замысловато ругал проблему... Потом вдруг ни с того, ни с сего спросил:

– Витька, а в каком кармане у тебя ключ был?

– В этом...

– А что у тебя там ещё было?

– Се-е-е-мечки, – ответил я, пошарив в кармане. После короткой паузы дядя Митя решительно сказал:

– Тэк-с, пошли ко мне.

Придя домой, он прибавил в лампе огня, посмотрел в дырочку ключа, дунул туда. Потом взял тоненькое шило и стал им крутить в ключе. Оттуда посыпалась черно-белая труха... от семечек.

– Хм, семечки туда попали, а ты их сначала пропихнул дальше, да ещё и поленом потом забил. Пошли открывать, – сказал мне, изумлённому и отогревавшемуся, дядя Митя.

Ключ упруго повернулся в замке два раза, два раза щёлкнул и открылся... Свиной я пошёл кормить, взяв из дома зажжённую лампу.

Довольны были все – свиньи обильной едой, дядя Митя умелой подмогой, мама старательным сыном... Я был счастлив, тайно и малодушно.